

— Тогда придётся побеспокоить старшего брата. Что до дела вашей сестры, мы с Мяожань непременно приложим все силы, чтобы помочь в поисках.

****Первое знакомство с усадьбой Сяо****

Если говорить об эпохе Юнлэ, то местом, что связывало север и юг, охватывало несколько провинций, куда стекались товары и люди со всех сторон, где одеждой и обувью снабжали всю Поднебесную, куда устремлялись купцы с севера и юга, — бесспорно, первым таким местом был Нанкин.

Хотя Чэнцзу и перенёс столицу на север, в Нанкине по-прежнему проживало множество высокопоставленных чиновников и знатных семей.

Фан Мяожань разбудил шум толпы за стенками повозки. Прошлой ночью трое беседовали в дороге, а когда она открыла глаза, был уже полдень следующего дня.

Она откинула бахрому на окошке и увидела за ним лабиринт улиц и переулков, тесные ряды лавок, лес вывесок, упирающихся в небо.

Бессчётное множество магазинов шёлка, парчи, сапог и туфель, тканей, сладостей, морских деликатесов... Повозка свернула за угол, и взору открылись вереницы картинных галерей, книжных лавок, чайных, винных домов... Обилие и процветание города, несметное число лавок — всё это разом предстало перед глазами.

Неизвестно, сколько времени прошло, но вот возница натянул вожжи, и экипаж остановился.

Кучер откинул полог, и простое смуглое лицо произнесло:

— Господин Сяо, прибыли.

Все трое вышли. Перед ними возвышались ворота киноварного цвета, источавшие дух старины. Над воротами висела прямоугольная табличка с надписью уставным почерком «Сюньцзи дяньшань»[1].

Фан Мяожань это даже несколько озадачило — подобные таблички встречались редко, особенно в домах торговцев, подобных Сяо Хэ.

— Мисс Фан, это место, где я обычно проживаю. Прошу не стесняться, считайте своим домом,
— Сяо Хэ распахнул красные ворота и пригласил Фан Мяожань войти.

Фан Цзинь же ринулся вперёд, словно сорванец, полный энергии — видимо, в усадьбе Сяо он бывал часто и чувствовал себя как дома.

Хотя Сяо Хэ и не принадлежал к чиновному сословию, судя по убранству и планировке, дом его явно говорил о достатке.

Минуя ворота и проход, они оказались перед необычайно светлым и просторным двором. Главный дом был обращён на север, по левую и правую руку симметрично располагались восточный и западный флигели. Их соединяли две дорожки, вымощенные галькой. Внутри усадьбы имелся небольшой пруд, по берегам которого густо росли зелёные насаждения. Восточный флигель утопал в изумрудной зелени, его окружали заросли бамбука.

Западный же флигель был украшен пёстрыми пионами и азиями. Вся усадьба одновременно

радовала глаз ясной гармонией и дышала буйной жизненной силой.

Вспомнив о дорожной пыли, Сяо Хэ подозвал служанку, чтобы та проводила Фан Мяожань во флигель и помогла переодеться.

По пути в западный флигель, мимоходом у пруда, можно было увидеть искусственные скалы, повторявшие формы природных гор. В прозрачной воде сновали карпы.

Сопровождавшая служанка время от времени украдкой поглядывала на Фан Мяожань, размышляя, откуда хозяин привёз такую красивую девушку. Та была лишь в простом зелёном платье, с едва тронутым макияжем лицом, но уже выглядела безупречно. Если бы слегка подкрасилась, и вовсе была бы красавицей, способной покорить города.

Фан Мяожань поймала эти взгляды и задумалась: неужели на лице что-то пристало?

— Госпожа, меня зовут Юэ Лин. Если что потребуется, просто прикажите, — почему-то, обращаясь к Фан Мяожань, служанка казалась слегка смущённой.

Фан Мяожань, заметив, что румянец на лице Юэ Лин дошёл уже до шеи, невольно улыбнулась.

— Юэ Лин, не беспокойся, я сама справлюсь. Можешь идти.

О том, что Фан Мяожань и Фан Цзинь покинули усадьбу, господин Фан Гэнь, находившийся в столице, определённо знать не мог.

Фан Мяожань, естественно, тоже понимала, что задерживаться надолго не стоит — через несколько дней надо будет возвращаться.

Во флигеле Фан Мяожань сняла простое платье. Чувствуя усталость, она прилегла на кровать, чтобы немного отдохнуть.

Не заметила, как проспала до самого часа ю[2]. Разбудил её лишь лёгкий стук Юэ Лин в дверь. Та передала устное послание от Фан Цзиня: после ужина он хочет сходить с ней на ночной рынок, пусть приведёт себя в порядок.

Услышав это, Фан Мяожань, разумеется, очень обрадовалась. Немного подумав, она надела простое белое парчовое платье, в волосы воткнула одну изящную нефритовую шпильку, слегка подкрасила губы киноварью. В бронзовом зеркале отразились ниспадающие на плечи чёрные волосы, лёгкий аромат и облик, чистый, как у небожительницы.

Немного поколебавшись — ведь она уехала тайком от отца, — она в конце концов надела вуаль.

Когда они добрались до улицы ночного рынка, там уже ярко горели огни, превращая ночь в подобие дня. Повозки и лошади толпились в тесноте, народ кишел, и вся улица протянулась, казалось, на десятки ли.

Вдоль дороги стояли бесчисленные винные дома, чайные, трудились фокусники, рассказчики, зазывалы — шумно и оживлённо.

Для Фан Мяожань всё это было в диковинку. Годами не выходя из усадьбы, она редко видела такое оживление.

Фан Цзинь, заметив впереди скопление народа, решил, что там наверняка какое-то диковинное представление, и тут же потянул Фан Мяожань за собой. Оказалось, кто-то демонстрировал

искусство звукоподражания, и мастер владел языком столь виртуозно, что творил чудеса.

Как раз когда все заслушались, неизвестно откуда хлынул ливень. Внезапно налетел шквальный ветер с проливным дождём, и Фан Мяожань не избежала участи — одежда промокла больше чем наполовину.

Народ ахнул, и все в панике бросились врассыпную, ища укрытия.

В суматохе рукав Фан Мяожань кто-то слегка дёрнул. Обернувшись, она увидела незнакомого мужчину в пурпурных одеждах. Не дав заговорить стоявшему рядом Фан Цзиню, мужчина уже опередил:

— Не соблаговолит ли почтенная чета подняться в повозку, чтобы укрыться от дождя?

Фан Цзинь, взяв сестру за руку, уже разворачивался, чтобы уйти.

Тот, видя это, тут же добавил:

— В «Тереме Древнего Журавля» вас ожидают.

Услышав «Терем Древнего Журавля», Фан Цзинь остановился, затем обернулся и уставился на собеседника, полный недоумения.

Разве «Терем Древнего Журавля» не был первым виноторговым заведением Нанкина? В Цзяннани каждый мужчина знал, что это место, где знатные и богатые предавались разврату и роскоши. Фан Цзинь наслушался о нём предостаточно.

Но его сестра — явно женщина. Как она может войти в такое весёлое заведение? Что это за бред?

Мужчина в пурпурном, казалось, угадал его сомнения и понизил голос:

— Касается господина Сяо.

В глазах Фан Цзиня мелькнула искорка. Он отпустил рукав Фан Мяожань и сказал:

— Возвращайся одна.

Фан Мяожань же проявила упрямство, изо всех сил выдавив из себя одно лишь:

— Нет.

Что оставалось делать? Втроём они поднялись в повозку.

Экипаж заскользил по улицам ночного рынка. Конские копыта мерно шлёпали по лужам, отчётливо отстукивая. Проливной дождь, казалось, смыл шум и гам ночного базара, и народу на улицах поубавилось больше чем наполовину.

Колёса резко остановились. Все вышли. Видно было, что «Терем Древнего Журавля» по-прежнему залит огнями, полон песен и плясок, невероятно оживлён. Смутно доносился шумный гомон чиновников, распивающих разнообразные вина.

Мужчина в пурпурном, видя это, не повёл их через главный вход, а провёл, обогнув павильон.

Пробравшись по потайному ходу сбоку от здания, они погрузились во всё большую тьму. Вскоре путь привёл их в тупик.

Перед троими преградила путь огромная каменная глыба, испещрённая печатными иероглифами.

Фан Мяожань и Фан Цзинь переглянулись. Мужчина в пурпурном, не спеша, достал с пояса нефритовую табличку и вставил её в щель в углублении. Та идеально совпала. Глыба с глухим стуком разошлась надвое, пропуская внутрь слабый свет. Тихий ранее потайной ход наполнился знакомым шумом, доносившимся от входа в павильон.

Только теперь Фан Мяожань поняла, что этот ход соединялся с «Теремом Древнего Журавля». Они уже находились на втором этаже.

Мужчина остановился перед ажурной дверью из грушевого дерева, легко постучал и затем произнёс:

— Прошу вас войти. Хозяин павильона уже долго ждёт.

Видя, что Фан Цзинь колеблется, Фан Мяожань шагнула в комнату первой, и лишь тогда Фан Цзинь последовал за ней.

Едва переступив порог, они ощутили носом струящийся аромат стиракса[3], а затем взгляд привлёк большой мраморный стол в центре комнаты. На столешнице в беспорядке лежали несколько ценных тушечниц и свитки с каллиграфией знаменитых мастеров. Рядом со столом стояла ваза, полная лилий. У окна был поставлен изящный столик для чая[4].

Бегло осмотревшись, они не увидели того, кого мужчина назвал «хозяином павильона».

Фан Мяожань не удержалась и бросила взгляд в глубину комнаты. Сквозь прозрачную занавесь она скользнула глазами по ложу... и от этого взгляда сердце её ёкнуло — то ли от испуга, то ли от иного чувства. Ибо на цитановом[5] ложе полулежала и созерцала её женщина холодной, чарующей красоты.

Та, заметив это, медленно поднялась, пальцами слегка раздвинула полог занавеси и, облачённая в длинную красную газовую юбку, босая направилась к ним. Фан Мяожань крайне неестественно скользнула взглядом по её обнажённым пальцам ног, затем быстро отвела глаза.

— Не согласился бы господин Фан пройти со мной в смежную комнату для беседы? — алые губы женщины были пленительно-соблазнительны, но тон голоса звучал отстранённо. Затем её взгляд упал на Фан Мяожань, и она добавила:

— А госпожа Фан пусть пока останется здесь.

Фан Цзинь, неизвестно почему, слегка покраснел. Кивнув Фан Мяожань, он направился во внутренние покои.

Лишь когда те двое скрылись в смежной комнате, Фан Мяожань наконец перевела дух и тихо выдохнула. Непонятно почему, но та женщина была слишком холодно-прекрасна и отстранённа, невольно вызывая напряжение.

«Искать следы, указывать на гору» — название усадьбы Сяо Хэ. Дословно можно понять как «Искать следы, указывать на гору». Возможно, имеет скрытый смысл, связанный с поисками сестры.

[2] Час ю — примерно с 17:00 до 19:00.

[3] Стиракс (сухэ) — ароматическая смола, использовавшаяся в парфюмерии и благовониях.

[4] Цсинь — древний китайский щипковый музыкальный инструмент, род цитры.

[5] Цитан — красное сандаловое дерево, ценная порода.

<http://bllate.org/book/16259/1462735>